

Научная статья
УДК 346.7
EDN RCJAYG

Правовая природа цифровых финансовых активов и особенности их гражданско-правового оборота в системе внешнеэкономических сделок

Артем Александрович Вологдин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
vologdin.art@gmail.com, SPIN-код: 3238-2225, <https://orcid.org/0009-0002-1523-5200>

Аннотация

Введение. Смена технологической парадигмы, обозначаемая в литературе как четвертая промышленная революция, привела к трансформации среды обращения информации и появлению особых нематериальных объектов – цифровых прав. В ответ на запрос правовой регламентации российский законодатель сформировал собственный подход к регулированию цифровых финансовых активов, который заметно расходится с распространенной за рубежом моделью токенизации.

Цель. Выявление особенностей российской модели регулирования цифровых финансовых активов, формирующейся по пути точечной токенизации ограниченного круга имущественных прав, а также оценка ее влияния на гражданско-правовой оборот и внешнеэкономические операции. Дополнительная цель – выработать предложения по преодолению нормативных коллизий, связанных с дуалистической природой цифровых финансовых активов и их «выпадением» из традиционной конструкции объектов внешнеторговых сделок.

Методы. Формально-юридический анализ российского законодательства о цифровых финансовых активах, гражданском и валютном регулировании, системно-структурный подход к выявлению места цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав, а также сравнительно-правовой метод при сопоставлении российской модели точечной токенизации с зарубежными моделями широкого охвата цифровыми записями разнообразных активов. Использовались элементы доктринального и казуального анализа для исследования научных позиций, судебной и договорной практики, а также функциональный подход для раскрытия двойственной роли цифровых финансовых активов.

Результаты. Установлено, что российский законодатель сформировал узкий, жестко очерченный контур допустимой токенизации, ограничив цифровые финансовые активы денежными требованиями, правами по эмиссионным ценным бумагам, корпоративными правами в непубличных АО и требованиями о передаче ценных бумаг. Показано, что во внешнеэкономической плоскости цифровые финансовые активы оказываются вне классической схемы «товары – работы – услуги – результаты интеллектуальной деятельности», что осложняет квалификацию трансграничных операций и выбор режима валютного контроля. Выявлена дуалистичность правовой природы цифровых финансовых активов: они одновременно выступают самостоятельным объектом гражданских прав и специальным способом фиксации обязательственных притязаний в распределенном реестре. Отмечено противоречие между технологическим потенциалом распределенных реестров и консервативной моделью регулирования, исключающей криптовалюты, публичные АО и гибридные инструменты (включая стейблкоины).

Выводы. Сделан вывод о необходимости пересмотра конструкции цифровых финансовых активов: закрепления в законе их обязательственного характера и оборотоспособности лежащих в основе требований; разворачивания экспериментальных правовых режимов для гибридных цифровых инструментов и токенизированных акций публичных обществ; внедрения особого вида внешнеэкономической сделки с двойным предметом, в рамках которой цифровые финансовые активы рассматриваются как цифровой сертификат обязательства, а не окончательный объект купли-продажи. Это позволит согласовать внешнеэкономическую природу таких операций с использованием распределенного реестра как технической инфраструктуры их документирования и исполнения.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, правовая природа, внешнеэкономическая сделка, распределенный реестр, обязательственные права, оборотоспособность, экспериментальный правовой режим

Для цитирования: Вологдин А. А. Правовая природа цифровых финансовых активов и особенности их гражданско-правового оборота в системе внешнеэкономических сделок // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 58–68. EDN RCJAYG

Original article

The legal nature of digital financial assets and the specifics of their civil turnover in the system of foreign economic transactions

Artem A. Vologdin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, vologdin.art@gmail.com,
SPIN-code: 3238-2225, <https://orcid.org/0009-0002-1523-5200>

Abstract

Introduction. The change in the technological paradigm, referred to in the literature as the fourth industrial revolution, led to the transformation of the information circulation environment and the emergence of special intangible objects – digital rights. In response to a request for legal regulation, the Russian legislator has developed his own approach to regulating digital financial assets, which is markedly at odds with the tokenization model widely used abroad.

The purpose of the study is to identify the features of the Russian model of regulation of digital financial assets, which is being formed along the path of point-based tokenization of a limited range of property rights, as well as to assess its impact on civil law turnover and foreign economic transactions. An additional goal is to develop proposals to overcome regulatory conflicts related to the dualistic nature of digital financial assets and their "falling out" from the traditional design of objects of foreign trade transactions.

Methods: a formal legal analysis of Russian legislation on CFA, civil and currency regulation, a system-structural approach to identifying the place of digital financial assets in the system of objects of civil rights, as well as a comparative legal method for comparing the Russian model of point tokenization with foreign models of wide coverage of digital records of various assets. Elements of doctrinal and casual analysis were used to study scientific positions, judicial and contractual practices, as well as a functional approach to uncover the dual role of digital financial assets.

Results. It has been established that the Russian legislator has formed a narrow, rigidly outlined outline of acceptable tokenization, limiting digital financial assets to monetary claims, rights under equity securities, corporate rights in non-public joint-stock companies and requirements for the transfer of securities. It is shown that in the external economic plane, digital financial assets are outside the "goods – works – services – results of intellectual activity" class scheme, which complicates the qualification of cross-border transactions and the choice of a currency control regime. The duality of the legal nature of digital financial assets has been revealed: they simultaneously act as an independent object of civil rights and a special way of fixing binding claims in a distributed

registry. There is a contradiction between the technological potential of distributed registers and a conservative regulatory model that excludes cryptocurrencies, public joint-stock companies and hybrid instruments (including stablecoins).

Conclusions. It is concluded that it is necessary to revise the design of digital financial assets: to consolidate in law their binding nature and the turnover of the underlying requirements; to deploy experimental legal regimes for hybrid digital instruments and tokenized shares of public companies; to introduce a special type of foreign economic transaction with a dual subject, in which digital financial assets are considered as a digital certificate of commitment, not the final object of purchase and sale. This will allow to reconcile the external economic nature of such operations with the use of a distributed registry as a technical infrastructure for their documentation and execution.

Keywords: digital financial assets, legal nature, foreign economic transaction, distributed registry, rights of obligations, turnover, experimental legal regime

For citation: Vologdin A.A. The legal nature of digital financial assets and the specifics of their civil law turnover in the system of foreign economic transactions. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(2):58–68. (In Russ.). EDN RCJAYG

Введение

Смена технологической парадигмы, обозначаемая в литературе как четвертая промышленная революция, привела к трансформации среды обращения информации и появлению особых нематериальных объектов – цифровых прав. В ответ на запрос правовой регламентации российский законодатель сформировал собственный подход к регулированию цифровых финансовых активов (ЦФА), который заметно расходится с распространенной за рубежом моделью токенизации. Однако при всей новизне конструкции, ее интеграция в систему внешнеэкономических сделок выявила ряд противоречий: ЦФА, будучи цифровыми правами, встроенными в обязательственные отношения, выпадают из классической триады объектов внешнеторговых сделок, что порождает неопределенность их квалификации как валютной ценности или средства платежа. Настоящая статья направлена на анализ правовой природы ЦФА, выявление особенностей их гражданско-правового оборота в трансграничном контексте и обоснование предложений по совершенствованию регулирования.

Материалы и методы

В данной статье использованы формально-юридический метод для анализа нормативных актов и правоприменительной практики, сравнительно-правовой метод для сопоставления российского и зарубежного подходов к регулированию ЦФА, а также метод доктринального анализа, позволивший систематизировать научные позиции относительно правовой природы цифровых активов и их пригодности к обороту во внешнеэкономической деятельности.

Результаты и обсуждение

Смена технологической парадигмы, которую в научной и публицистической литературе обозначают как четвертую промышленную революцию или «Индустрию 4.0» [1], проявляется прежде всего в том, что экономическая деятельность все в большей степени опирается на компьютерно-опосредованные процессы обработки и передачи данных [2]. В интерпретации Дона Тэпскотта ключ к пониманию этого сдвига дает феномен «digitization»: экономическое и социальное взаимодействие организуется вокруг информации, существующей изначально и преимущественно в цифровой форме, а не переводимой в нее постфактум [3; 4].

Именно такая трансформация среды обращения информации создала предпосылки для появления особых нематериальных объектов, которые в научной литературе и нормативных актах получили условное обозначение как «цифровые объекты прав». Как только за этими объектами была признана экономическая значимость, возникла потребность

осмыслить их и как возможные объекты гражданских прав, что, в свою очередь, спровоцировало широкую дискуссию о границах правосубъектности в цифровой среде [5]. В русле этих процессов и стала вырисовываться конструкция цифровых финансовых активов (ЦФА): она выступила своеобразным индикатором перехода к цифровой экономике и одновременно незавершенным, находящимся в стадии становления правовым инструментом. Российский законодатель, реагируя на запрос на нормативную регламентацию цифровых активов, не стал заимствовать доминирующую в ряде зарубежных юрисдикций модель токенизации активов, а сформировал собственный подход, который заметно расходится с распространенной за рубежом концепцией.

Правовая оболочка ЦФА стала оформляться в контексте реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. В ходе ее осуществления был принят комплекс нормативных актов, среди которых ключевое значение имеет специальный закон о цифровых финансовых активах. В части 2 статьи 1 этого закона законодатель не просто вводит термин, а фиксирует, какие именно виды прав он готов считать цифровыми финансовыми активами. К ним отнесены денежные требования, права, реализуемые по эмиссионным ценным бумагам, корпоративные права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также притязание на передачу эмиссионных ценных бумаг, если все это прямо предусмотрено решением о выпуске ЦФА, принятым в установленном данным законом порядке. Существенным является и способ существования таких прав: они не оформляются на бумажных носителях, а возникают, учитываются и переходят исключительно через изменение записей в информационной системе, основанной на технологии распределенного реестра или иной сопоставимой цифровой инфраструктуре.

Из самого текста легальной дефиниции заметно, что в нее изначально не были включены такие явления цифровой финансовой среды, как криптовалюты, различного рода токены и иные подобные образования. Иначе говоря, законодатель сознательно сузил объем понятия ЦФА, несмотря на то что на ранних этапах разработки концепции многие российские цивилисты склонялись к тому, чтобы охватывать этим термином совокупность как токенов, так и криптовалют [6]. Этот первоначальный, более широкий замысел просматривается и в ранней редакции законопроекта «О цифровых финансовых активах», в которой цифровые финансовые активы трактовались прежде всего как имущество, существующее в электронной форме².

Обращение к научной литературе показывает, что последующее нормативное разведение цифровой валюты и ЦФА во многом отвечает логике гражданско-правового мышления. Там, где речь идет об обязательственных денежных требованиях, правах по эмиссионным ценным бумагам, требованиях об их передаче или участии в капитале непубличного общества, круг носителей прав и обязанностей поддается достаточно четкому определению. Иначе обстоит дело с децентрализованной цифровой валютой, по отношению к которой идентификация контрагентов зачастую принципиально затруднена [7]. Однако для понимания того, как именно организуется правовой режим отношений, связанных с ЦФА, недостаточно лишь констатировать различие по субъектному признаку. Необходимо проследить, как цифровая форма фиксации прав и обязанностей влияет на отдельные этапы развития обязательства и на фактические результаты взаимодействия его участников.

Если вновь обратиться к формулировке части 2 статьи 1 закона о ЦФА, можно заметить, что законодатель фактически сконцентрировал в рассматриваемой конструкции

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС Консультант Плюс.

² Законопроект «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения 22.02.2026).

четыре группы имущественных прав: денежные требования, возможности реализации прав по эмиссионным ценным бумагам, корпоративные права участника непубличного акционерного общества и требования о передаче эмиссионных ценных бумаг, заранее обозначенных в решении о выпуске ЦФА. По существу, это не новые для российской правовой системы притязания, а уже давно освоенные в обороте инструменты, которые теперь получили иную – цифровую – форму фиксации и обращения.

Именно поэтому при анализе содержания ЦФА принципиальное значение приобретает вопрос не о новизне самих прав, а об их пригодности к обороту. Денежное требование, будучи по общему правилу разновидностью обязательственного права требования уплаты суммы денег, может возникать из самых разных юридических фактов. Оно формируется не только в рамках гражданско-правового обязательства, но и на основании судебных актов, норм налогового права, трудовых отношений, а также в связи с привлечением лица к административной или уголовной ответственности. Для всех указанных категорий требований характерно то, что они не ориентированы на свободное обращение и не предназначены для включения в гражданско-правовой оборот как объекты частноправовых сделок. Соответственно, такие притязания не могут рассматриваться как содержательное наполнение ЦФА.

Даже в пределах собственно обязательственных отношений нередки случаи, когда связь между правом требования и личностью кредитора либо должника настолько тесна, что делает невозможным отрыв этого права от первоначального субъекта. Подобные притязания, по самой их правовой природе, не поддаются обороту и не могут быть включены в конструкцию цифрового финансового актива. Иллюстрацией выступает ситуация с независимой гарантией: уступка прав бенефициара по такой гарантии признается ничтожной, если одновременно не переходят к тому же лицу права по основному обязательству.

В этой связи предложение пересмотреть и уточнить легальную формулу, описывающую ЦФА, выглядит логичным. Для адекватного нормативного описания конструкции необходимо прямо подчеркнуть, что в ее рамках могут существовать лишь такие денежные требования, которые, во-первых, являются обязательственными по своей правовой природе и, во-вторых, обладают качеством оборотоспособности. Именно совокупность этих характеристик и формирует внутреннее содержание цифрового финансового актива как особой правовой модели.

При внимательном чтении закона о ЦФА обращает на себя внимание и иное обстоятельство. Законодатель, устанавливая предельный перечень прав, которые допускается «оцифровывать» в форме ЦФА, не раскрывает мотивов, по которым из этого круга исключены акции публичных акционерных обществ и эмиссионные ценные бумаги, подлежащие конвертации в такие акции. В тексте закона отсутствуют пояснения, объясняющие данный запрет. Можно лишь реконструировать возможную логику: опасения, связанные с использованием дистанционных цифровых форм привлечения инвестиций для противоправных целей, а также исторически негативный опыт массового вовлечения населения в сомнительные схемы акционирования в 1990-е гг. (деятельность АО «МММ» и подобные ей практики), вероятно, сыграли немалую роль. Вполне допустимо, что по мере накопления положительного опыта применения ЦФА в непубличных акционерных обществах и совершенствования механизмов контроля указанное ограничение может быть постепенно снято, что расширит круг субъектов и инструментов, способных использовать данную конструкцию.

Подробный анализ норм закона о ЦФА обнаруживает еще одну методологическую проблему: в самом тексте акта на разных уровнях конкурируют две модели понимания цифрового финансового актива. В одних статьях (часть 4 статьи 1, часть 1 статьи 2, часть 5 статьи 6 и др.) ЦФА фактически описываются как разновидность имущественных прав, т. е. как объекты гражданского оборота, обладающие признаком оборотоспособности. В тех же или смежных положениях просматривается иной акцент: ЦФА выступают не столько как самостоятельные объекты, сколько как особый способ фиксации и удостоверения имущественных

прав в рамках информационной системы. Такое наложение двух логик в одном и том же правовом массиве неизбежно порождает неопределенность и затрудняет формирование устойчивой правоприменительной линии. С этим во многом и связана та обстоятельность и осторожность, с которой конструкции ЦФА внедряются в гражданский оборот, несмотря на очевидный инновационный и экономический потенциал.

По своей сути имущественные права, наполняющие конструкцию цифровых финансовых активов, представляют собой требования, вытекающие из гражданско-правовых обязательств. На это последовательно указывают как представители научного сообщества [8], так и Конституционный Суд Российской Федерации¹, который в своих актах фактически исходит из аналогичного понимания природы таких притязаний. При этом ни один из перечисленных законодателем элементов содержания ЦФА не может быть охарактеризован как принципиально новый для теории гражданского права. Речь идет о традиционных конструкциях, давно апробированных как в доктрине, так и в судебной и договорной практике, их новизна определяется не столько характером защищаемого интереса, сколько способом его фиксации и обращения.

Именно этот аспект – технологическая оболочка прав – некоторые исследователи, в частности А. И. Гончаров и В. А. Садков, выдвигают на первый план [9]. В их интерпретации специфика ЦФА коренится не в содержании удостоверяемых прав, а в использовании принципиально иного, инновационного механизма их документирования и учета. Такой подход акцентирует внимание, во-первых, на цифровом характере фиксации обязательств, а во-вторых, на необходимости использования специализированных алгоритмов, с помощью которых обеспечивается, с одной стороны, надежная идентификация участников в электронно-виртуальной среде, а с другой – точное определение объема их притязаний, сроков исполнения денежных обязательств и порядка их прекращения.

Следование подобной модели возможно лишь при наличии соответствующей технической инфраструктуры и кадровых компетенций. Участники гражданского оборота, вовлекаемые в отношения по поводу ЦФА, должны обладать определенным уровнем цифровой грамотности и технической оснащенности. Кроме того, сама архитектура оборота ЦФА изначально ориентирована на наличие специализированных профессиональных посредников. Закон прямо фиксирует их статус, вводя такие фигуры, как оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператор обмена цифровых финансовых активов. Без этих субъектов технологический контур ЦФА попросту не может функционировать.

Однако сосредоточение внимания исключительно на технологической стороне, как представляется, не позволяет в полной мере раскрыть правовую природу ЦФА. Трактовка, предложенная А. И. Гончаровым и В. А. Садковым, оказывается чрезмерно технократичной именно потому, что фактически отодвигает на второй план вопрос о содержании удостоверяемых прав. Между тем в праве форма задает лишь режим существования явления, тогда как его природа и отраслевое «встраивание» определяются содержанием. Игнорирование этого соотношения чревато тем, что цифровая оболочка начинает восприниматься как самоценная, тогда как в действительности она должна рассматриваться лишь как инструмент, обслуживающий уже известные гражданско-правовые конструкции, а не подменяющий их.

Мы предлагаем сместить фокус внимания с технического инструментария на целевую экономическую и правовую природу явления. Вместо того чтобы видеть в ЦФА прежде всего инновационный способ удостоверения (цифровую обертку), мы предлагаем рассматривать

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1999 № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк» // Собрание законодательства РФ. 08.11.1999. № 45. Ст. 5478.

их как новую юридическую реальность, в которой технология вторична по отношению к существу обязательства. Суть ЦФА определяется не тем, как они записаны (на каком алгоритме и с какой степенью защиты), а тем, какое именно правомочие получает их обладатель: становится ли он кредитором по денежному требованию, участником корпорации или получателем дохода от инвестиций.

Как представляется, исходить нужно из того, что законодатель в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА закрепил не просто «цифровую форму», а особый вид имущества, где содержательная часть (финансовый актив) является системообразующей. Технические условия – идентификация, алгоритмы, операторы – это лишь инфраструктура, обеспечивающая оборот этих содержательных прав, но не заменяющая их собой. Подход, ставящий во главу угла технологию, неизбежно ведет к тому, что под регулирование попадает «способ передачи данных», а не сами общественные отношения, что для права является путем к утрате регуляторной глущины.

Иными словами, особенностью ЦФА следует считать не специфику «бумаги» (пусть и цифровой), а специфику тех имущественных притязаний, которые эта «бумага» удостоверяет.

Чтобы глубже разобраться в природе цифровых финансовых активов, полезно сопоставить их с уже привычными рыночными инструментами. Наиболее распространенный вид ЦФА представляет собой денежное требование, то есть право на получение рублей, иностранной валюты или даже цифровой валюты. Хотя по закону криптовалюты вроде биткоина не признаются деньгами, такой актив по своей сути напоминает классические финансовые инструменты. В зависимости от условий выпуска он может быть похож либо на кредит, либо на облигацию: если эмитент обязуется регулярно выплачивать инвестору фиксированный доход, сходство с купонными облигациями становится особенно явным.

Главное преимущество ЦФА перед традиционными облигациями заключается в его доступности. Выпустить такой актив может компания любого масштаба, и интерес инвесторов будет определяться исключительно репутацией и надежностью самого эмитента. Это, в свою очередь, стимулирует бизнес работать более прозрачно. Важно учитывать, что данный тип ЦФА является прямым обязательством эмитента без права регрессного переложения долга на третьих лиц (дебиторов). Вследствие этого при инвестиционном анализе приоритетное значение приобретает платежеспособность самого эмитента как фундаментальный фактор кредитного риска.

Иная разновидность цифровых финансовых активов предоставляет возможность участия в капитале непубличного акционерного общества. Данный инструмент является релевантным механизмом для учреждения новых компаний, а в сегменте крупного бизнеса позволяет оперативно структурировать совместные предприятия. По существу, речь идет о способе привлечения долевого финансирования, при котором одним из участников (партнеров) может выступать, в частности, кредитная организация. Для субъектов малого предпринимательства и стартапов указанный механизм создает правовую основу для проведения первичного размещения цифровых акций либо первичного предложения токенов (ICO) в строгом соответствии с нормами российского законодательства.

Отдельную категорию составляют цифровые финансовые активы, удостоверяющие права на эмиссионные ценные бумаги (акции, облигации, опционы эмитента, депозитарные расписки), а также гибридные ЦФА, которые сочетают признаки как классических ЦФА, так и утилитарных цифровых прав, предоставляющих возможность получения товара, услуги или скидки. В качестве примера можно привести стейблкоины. Так, централизованные стейблкоины востребованы для биржевых операций и розничных расчетов. Локальные стейблкоины выполняют функцию сохранения стоимости и удобны для обменных операций. Глобальные стейблкоины способствуют ускорению трансграничных переводов,

снижению их стоимости, а также расширению доступности криптоактивов для широкого круга пользователей.

В научной литературе понятие цифровых финансовых активов традиционно раскрывается через их обязательственную природу и привязку к распределенному реестру, однако практическая ценность такого подхода определяется тем, насколько эффективно ЦФА могут быть интегрированы во внешнеэкономическую деятельность.

В исследовании В. Н. Грепана акцент смещается с общей цифровизации на конкретный механизм использования блокчейна в трансграничных расчетах, где архитектура распределенного реестра позволяет минимизировать участие банковских посредников. При этом автор подчеркивает, что реализация этого потенциала сдерживается незавершенностью технических решений, фрагментарностью нормативной базы и недостаточной осведомленностью пользователей [10].

Коллективное исследование С.Н. Рябухина, М.А. Минченкова, И.А. Кокорева и других рассматривает ЦФА именно через их пригодность для обслуживания международного товарооборота, раскрывая потенциал инструмента через изменения в финансовой инфраструктуре трансграничных сделок [11]. Обобщение этих работ приводит к двойственному выводу: новые технологии формируют заметный резерв для ускорения международной торговли, но без устойчивой нормативной основы и масштабируемой инфраструктуры их влияние остается фрагментарным.

Отсюда вытекает необходимость выстраивания целостной стратегии, в которой правовое регулирование, технологическое развитие и институциональная адаптация соединяются в единую схему, обеспечивающую постепенное встраивание цифровых решений в архитектуру внешнеэкономических связей.

Законодательные изменения уже запустили заметный сдвиг в динамике национального рынка цифровых финансовых активов. Иллюстративные данные, представленные на рис. 1, показывают, что после вступления новелл в силу, то есть с марта 2024 г., объем рынка переходит к устойчивому росту. Если в начале указанного периода совокупная оценка рынка ограничивалась 34,164 млрд руб., то к октябрю того же года значение этого показателя последовательно увеличивалось и достигло локального максимума – 199,585 млрд руб., что свидетельствует о быстром расширении практики использования ЦФА.

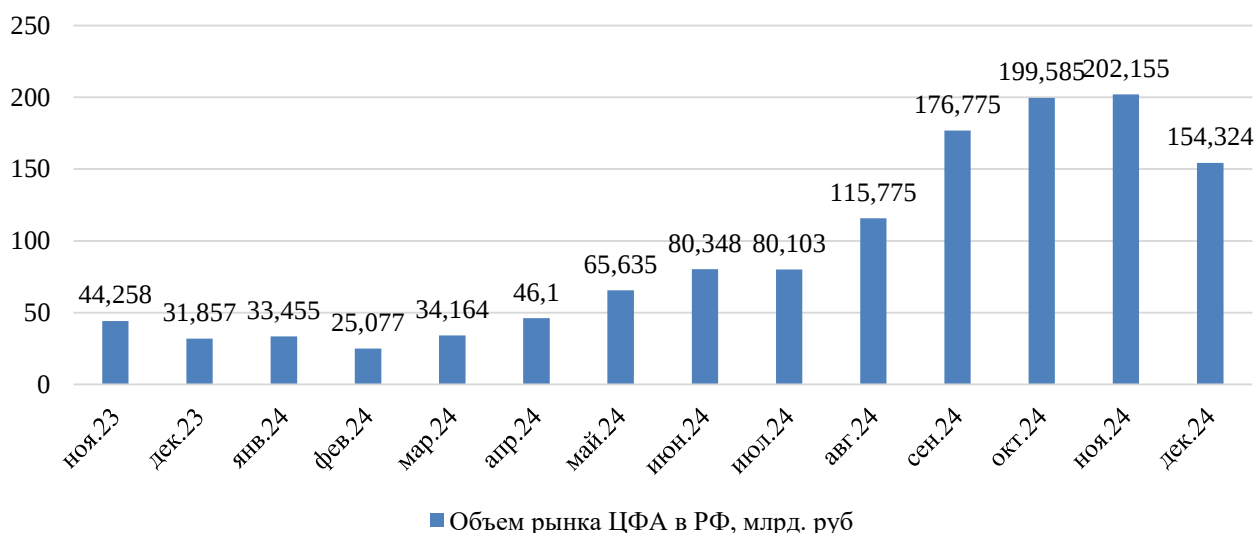

Рис. 1. Объем рынка ЦФА в РФ, млрд руб. [12]

Fig. 1. Volume of the CFA market in the Russian Federation, billion rubles [12]

Однако несмотря на развитие рынка, интеграция ЦФА в реальную практику внешне-торговых расчетов сталкивается, на наш взгляд, с серьезными ограничениями. Главным препятствием выступает своего рода замкнутость отечественных ЦФА. Все активы, пригодные для использования в расчетах, эмитируются исключительно в рамках российских информационных систем и подчиняются национальному правовому полю. Такая изолированность, как можно заметить, существенно снижает их привлекательность для трансграничных операций: по сути, они оказываются «привязанными» к инфраструктуре одной страны. Так же можно отметить и такие проблемы, как недостаточная ликвидность и специфика структуры эмитируемых инструментов, сдержанная позиция потенциальных зарубежных партнеров, включая контрагентов из дружественных государств.

Технологические ограничения играют не менее важную роль. Глобальная инфраструктура, которая должна обеспечивать бесперебойную запись и передачу прав по ЦФА в трансграничном формате, еще не достигла уровня зрелости, позволяющего говорить о высокой надежности и масштабируемости таких решений.

Заключение

Таким образом, в российском подходе к регулированию цифровых финансовых активов обнаруживается парадокс (противоречие), требующий дальнейшего осмысления. Стремясь создать инновационную правовую среду, законодатель фактически ограничился переносом традиционных имущественных прав в цифровую форму, исключив из поля регулирования наиболее революционные явления цифровой экономики, такие как криптовалюты и токены. Такая консервативная позиция, продиктованная стремлением защитить рынок от потенциальных злоупотреблений, приводит к смысловой двойственности самого понятия ЦФА, которое одновременно понимается и как объект прав, и как способ удостоверения требований. Это замедляет формирование правоприменительной практики и не позволяет в полной мере реализовать потенциал распределенных реестров для оборота ценных бумаг публичных обществ, оставляя за рамками регулирования гибридные инструменты вроде стейблкоинов, которые уже активно используются в мировой практике.

Для преодоления сложившегося дисбаланса между технологическим потенциалом и правовым консерватизмом предлагаем сместить акценты в нормотворчестве с описания конкретных видов удостоверяемых прав на закрепление принципов оборотоспособности и обязательственной природы лежащих в основе требований. Вместо дальнейшей детализации цифровой обертки прав законодателю следует предложить рынку экспериментальные правовые режимы, позволяющие апробировать выпуск гибридных инструментов и токенизированных акций публичных обществ под надзором регулятора. Как представляется, реализация такого подхода позволит, с одной стороны, сохранить необходимый уровень защиты прав инвесторов, а с другой открыть возможность для легального обращения тех цифровых активов, которые в настоящее время находятся в «серой зоне» правового регулирования. Тем самым, на наш взгляд, будут созданы условия для формирования полноценной экосистемы цифровых финансов, отвечающей вызовам нового экономического уклада.

Цифровые финансовые активы, будучи по своей природе цифровыми правами, встроенными в обязательственные отношения, парадоксальным образом выпадают из классической триады объектов внешнеэкономических сделок товаров, работ, услуг и результатов интеллектуальной деятельности. Это порождает ситуацию правовой неопределенности, когда сделка формально соответствует требованиям закона о ЦФА, но ее внешнеэкономический характер вызывает сомнения у правоприменителей и банковских комплаенс служб из-за невозможности однозначно идентифицировать предмет сделки как валютную ценность или как средство платежа.

Специфика использования ЦФА в трансграничных расчетах обусловлена расщеплением момента исполнения обязательств, так как запись в распределенном реестре сама

по себе не прекращает обязательство, а лишь фиксирует факт передачи цифрового права, тогда как действительное исполнение требует совершения действий уже за пределами цифровой среды.

Для разрешения выявленной проблемы предлагается ввести в законодательную практику категорию внешнеэкономической сделки с двойным предметом исполнения.

Суть предложения заключается в том, чтобы рассматривать цифровой финансовый актив не как конечный объект сделки, а как цифровой сертификат обязательства совершить в будущем действия, составляющие действительный интерес контрагента (есть сходство с опционами). Такая квалификация позволяет сохранить внешнеэкономический характер сделки даже при использовании промежуточных цифровых инструментов, поскольку действительным предметом остается перемещение товаров, выполнение работ или оказание услуг через границу, а цифровой актив выполняет функцию технического средства фиксации и передачи прав, связанных с таким перемещением. Для практической реализации этого подхода требуется закрепление в операторских правилах платформ ЦФА обязательного указания в решении о выпуске цифрового финансового актива не только характеристик самого права, но и идентифицирующих признаков той внешнеэкономической сделки, в обеспечение исполнения обязательств по которой данный актив выпускается.

Список источников

1. Тарасов И. В. Индустрия 4. 0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. №6 (50). С. 57–63. EDN: UWAXCR
2. Matytsin D. E. Internet space and artificial intelligence: problems of entrepreneurship and law enforcement // Legal Concept. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 178-185. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26>. EDN: SXQIAF
3. Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. М., 2021. 221 с. EDN: WXIPXC
4. Tapscott, D. [BOOK REVIEW] The digital economy, promise and peril in the age of net-worked intelligence // Journal of Policy Analysis and Management. 1999. Vol. 18, No. 1. P. 156-168. EDN: GXXYLH
5. Лаптев В.А. и др. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М.: Проспект, 2021. 488 с. <https://doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488>. ISBN: 978-5-392-32860-4. EDN: TAFUVS
6. Цинделиани И. А. Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // Юрист. 2019. № 3. С. 34–41. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2019-3-34-41>. EDN: ZARXCJ
7. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2022. 211 с. EDN: JNBPCF
8. Объекты гражданских прав: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. коллектив: И.В. Балтутите, А.И. Гончаров, Д.Н. Давтян-Давыдова [и др.]; под ред. проф. А.О. Иншаковой, проф. А.И. Гончарова. М.: Изд-во ВолГУ, 2018. 567 с.
9. Гончаров А. И., Садков В. А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 82–90. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>. EDN: DULVYU
10. Гребан В. Н. Влияние технологии блокчейн на международные платежи и переводы // Прогрессивная экономика. 2023. № 11. С. 190–202. https://doi.org/10.54861/27131211_2023_11_190. EDN: IUNYIN
11. Рябухин С. Н. Цифровые финансовые активы как инструмент международных расчетов / С. Н. Рябухин, М. А. Минченков, И. А. Кокорев [и др.] // Мир новой экономики. 2024. Т. 18. № 2. С. 59–68. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-2-59-68>. EDN: JHVXGU

12. Новская Н.С. Цифровые финансовые активы как средство платежа в рамках внешне-экономической деятельности // Прогрессивная экономика. 2025. № 1. С. 210–220. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_1_210. EDN: BPICLO

References

1. Tarasov I.V. Industry 4.0: Concept, Concepts, Development Trends. *Business Strategies*. 2018;6(50):57–63. (In Russ.). EDN: UWAXCR
2. Matytsin D.E. Internet space and artificial intelligence: problems of entrepreneurship and law enforcement. *Legal Concept*. 2022;21;(1):178–185. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26>. EDN: SXQIAF
3. Razdorozhny K.B. *Financial and legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation and foreign countries: dissertation of the cand. jurid. sciences*. Moscow; 2021. 221 p. (In Russ.). EDN: WXIPXC
4. Tapscott, D. [BOOK REVIEW] The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. *Journal of Policy Analysis and Management*. 1999;18;(1):156–168. EDN: GXXYLH
5. Laptev V.A. et al. *Digital economy: conceptual foundations of legal regulation of business in Russia* / edited by V.A. Laptev, O.A. Tarasenko. Moscow: Prospekt; 2021. 488 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488>
6. Tsindeliiani I.A. The Legal Nature of Digital Financial Assets: A Private Law Aspect. *Yurist*. 2019;(3):34–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2019-3-34-41>. EDN ZARCXJ
7. Sadkov V.A. *Digital financial assets as objects of civil rights and their circulation: dis. ... cand. jurid. sciences*: 12.00.03. Volgograd; 2022. 211 p. (In Russ.). EDN: JNBPCF
8. *Objects of civil rights: textbook. handbook for bachelor's, specialist's, and master's degrees* / author's collective: I.V. Baltutite, A.I. Goncharov, D.N. Davtyan-Davydova [et al.]; edited by Prof. A.O. Inshakova, Prof. A.I. Goncharov. Moscow: VolGU Publishing House; 2018. 567 p. (In Russ.)
9. Goncharov A.I., Sadkov V.A. The Legal Nature of Digital Financial Assets under the Legislation of the Russian Federation. *Legal Paradigm*. 2023;22(2):82–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>. EDN: DULVYU
10. Grepan V.N. The Influence of Blockchain Technology on International Payments and Transfers. *Progressive Economy*. 2023;(11):190–202. (In Russ.). https://doi.org/10.54861/27131211_2023_11_190. EDN: IUNYIN
11. Ryabukhin S.N. Digital Financial Assets as a Tool for International Settlements / S.N. Ryabukhin, M.A. Minchenkov, I.A. Kokorev [et al.]. *World of New Economy*. 2024;18;(2):59–68. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-2-59-68>. EDN JHVXGU. (In Russ.).
12. Novskaya N.S. Digital Financial Assets as a Means of Payment in Foreign Economic Activity. *Progressive Economy*. 2025;(1):210–220. (In Russ.). https://doi.org/10.54861/27131211_2025_1_210. EDN: BPICLO

Информация об авторе

А. А. Вологдин – соискатель ученой степени кандидата наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

A. A. Vologdin – Degree-seeking Cand. Sci. (Law), Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 15.05.2026.

The article was submitted 06.04.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 15.05.2026.